

Проф. З. С. Каценеленбаум. Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР. Госиздат, 1928 г., стр. 88, тираж 4.000 экз.

Еще одно произведение, доказывающее необходимость снижения цен. Ни один, конечно, экономист, трактуя об индустриализации, не может обойти этой проблемы, как *conditio sine qua non*. Данная же книжка „выгодно“ выделяется из всей литературы, касающейся снижения цен, тем, что она намечает совершенно „новые“ и нелишенные оригинальности методы и пути снижения.

Рецензируемая книжка вопит о несправедливом отношении Госплана, ВСНХ, НКФ и прочих органов к кредиту, как рычагу аккумуляции сбережений. Допускаем, что этот рычаг еще в достаточной мере не используется. Другое же дело интерпретировать насчет самого создания этих накоплений за счет... резкого сокращения промышленного накопления и бюджетных изъятий. „Наша бюджетная политика, как и наша промышленная политика (большие внутрипромышленные накопления), неизбежно вызывает повышение товарных цен. При таких условиях ставить себе задачей снижение цен, по существу, — нельзя“ (разрядка наша. Ш. Т.). К такому заключению приходит автор в результате своего исследования в последней главе своей книжки.

Итак, вся индустриализация ставится автором под сомнение, все чаяния на понижение цен безнадежны. И дальше: „Если мы будем извлекать весь остаток национального дохода, необходимого для индустриализации, при помощи... высоких цен, то мы ни в коем случае низкие цены иметь не будем“. Весь вопрос, в сущности говоря, сводится к тому, с чего начать снижение цен, т.-е. за счет какой составной части: издержек производства, издержек обращения, либо элементов накопления? При чем следует подчеркнуть, что величины издержек производства и обращения зависят от двух факторов: технических коэффициентов (или натуральных показателей) и ценностных показателей (уровней цен). Если начать за счет резкого сжатия накопления (а по словам проф. Каценеленбаума, иного выхода нет), не надеясь на другие источники, тогда произошедшее снижение цен механически, по линии цепной связи, должно отразиться на снижении издержек производства и обращения, а это, в свою очередь, по линии цепной связи вызовет соответствующее снижение цен на другом участке, которое повлечет на следующем участке соответствующее снижение себестоимости и т. д. до бесконечности, а дальше „соответствующего снижения“ дело не двинется, и мы останемся, в сущности говоря, в порочном кругу. Цены будут за собою механически тянуть цены, и никакого народнохозяйственного эффекта с точки зрения действительной экономии мы не получим. Если не делать ставки на улучшение технических коэффициентов (здесь основную роль должны, конечно, играть капитальные вложения и рационализация), т.-е. на рост производительности труда в народном хозяйстве, никакого реального снижения цен, конечно, не будет. Хоть бы одним словом обмолвился уважаемый профессор об этом действительном источнике снижения цен!

Психологизм проф. Каценеленбаума не нов. Он идет к производительности труда (вернее, интенсивности труда) иным путем. „Не приходится доказывать,—говорит автор,— что не только сельский труд, но и труд городской также реагирует на настроение товарных цен“. Высокие цены, отсюда и отсутствие индивидуальных сбережений „ослабляют стимул к труду“—отсюда и „упадок производительности, ухудшение качества“ и даже „бюрократизм и волокита“ (?! Ш. Т). Несколько выше автор ратует: „Для потребителя, в сущности, было бы безразлично — явилась ли высокая цена на сахар следствием высокой монополистической прибыли данного треста, или же следствием того, что была сделана надбавка в цене для государства в виде акциза“. То „труд реагирует на строение“, то „для потребителя безразлично“. На основе именно этой потребительской точки зрения для автора нет разницы между внутривымышленным накоплением и бюджетом. Правда, в одном месте, мимоходом, упоминается о социальной роли бюджета,—и на том спасибо. Как же автор разрешает индустриализацию? Первое — снижение цен увеличит интенсивность (именно интенсивность) труда, благодаря, конечно... возможности сбережения, так как о возможности увеличения потребления автор и не помышляет, гарантируя (?!) вовлечение обратно через кредитную систему в промышленность всего „сбережения“, получившегося в результате снижения цен за счет накопления — это второе. Вот, примерно, рекомендуемый профессором рецепт индустриализации через снижение цен. А в общем и целом, как мы указывали: снижение цен за счет снижения цен — настоящая карусель, не говоря уже о том, что все „гарантии“ и „уверения“ профессора Каценеленбаума в настоящих, конкретных, реальных условиях построены на песке и ничем совершенно не обоснованы. Если не стоять на точке зрения реконструкции народного хозяйства и не добиваться этим путем поднятия производительности труда, то гарантия насчет возвращения кредитной системой обратно всех сбережений, полученных за счет снижения цен, — карточный домик. Не это есть путь индустриализации. Лишь через поднятие производительности труда и отсюда сокращения удельного веса накопления в цене (при общем росте этого накопления), а не наоборот, можно говорить об индустриализации. Автора здесь, конечно, не выручает и ссылка на экономистов ВСНХ и Наркомфина. Профессор не преминул и здесь, как и в предыдущих трудах, сослаться на Маркса (Капитал, I) о том, что в капиталистическом обществе, в отличие от феодального, в целях индустриализации сбережение не позор, а благо. Но это ведь только для отвода глаз.

Мы остановились так подробно на этой последней главе потому, что она является экстрактом всей книжки, и все предыдущие пять глав нытаются доказать то, что не только индустриализация капиталистических стран, но первоначальное капиталистическое накопление произошло не за счет внутривымышленного накопления, а за счет аккумуляции индивидуальных сбережений посредством кредитной системы.

Теперь мы перейдем от последней главы к первым.

Выступая рьяным сторонником индустриализации СССР, доказывая заинтересованность в ней всех слоев населения, в особенности и в первую очередь, — крестьянства („индустриализация... в наших условиях становится прежде всего проблемой крестьянской“ (??), автор выдвигает три основных проблемы. Прежде всего для автора, по всей вероятности, еще не разрешен вопрос, о какой именно индустриализации у нас идет речь: о промышленной или сельскохозяйственной, т.-е., вернее, о том, должен ли СССР превратиться в действительно индустриальную страну с развитой тяжелой индустрией в первую очередь, или в фермерскую страну,

индустриально зависимую от других стран. На это апологет индустриализации прямого ответа не дает, для него, понимаете ли, „постройка маслодельных заводов... представляет собою такую же индустриализацию народного хозяйства, как и развитие металлургии“. Вообще-то говоря, „в этой плоскости могут, разумеется, быть различные споры“—и точка. Вторая проблема „о пределах возможной индустриализации“ получает такое же „исчерпывающе толковое“ разрешение, как и первая. Последняя и третья проблема — о путях привлечения капиталов для индустриализации, которой, в сущности, посвящена рецензируемая книжка, на наш взгляд, получила не менее „компетентное“ разрешение, чем первые две проблемы. Да в сущности, и нельзя было разрешить вопрос „о путях“, не выяснив своего отношения хотя бы к тому, о какой именно индустриализации речь идет: о промышленной или сельскохозяйственной,—ведь в зависимости от этого пути-то должны быть различны.

Приступая к разрешению этой последней проблемы, автор приводит анализ хода процессов индустриализации в капиталистических странах, посвящая особую статью довоенной России.

Сделав несколько реверансов Марксу, автор, по примеру ему подобных коллег, начинает вести настоящую атаку против Маркса. „Весь процесс воспроизводства капитала, весь процесс накопления капитала Маркс рассматривает под углом зрения „превращения прибавочной стоимости в капитал“, в результате этого может создаться такое представление, что прибавочная стоимость, накапливаемая в промышленности, есть исключительный источник роста этой самой промышленности, представление, которое на самом деле было бы неправильным“. Маркс, оказывается, придает слишком большую роль прибавочной стоимости, как источника капиталонакопления. Маркс в 60-х годах прошлого столетия не учел так называемых Hinterland'ов, т.-е. капиталонакопления крестьянства (в массе своей, конечно, трудового) и рабочего класса. Вот где смертный грех Маркса! Подобные „теории“, с позволения сказать, рабочих капиталов профессор развивает и в своем двухтомном труде о деньгах и кредите, подперчивая и там их цитатами из Маркса и потоками против Маркса. Одно дело говорить о роли кредита, другое дело „доказывать“ истинный источник капиталонакопления, положив в основу злополучную теорию сбережений. Опровержение Маркса Зомбартом „на сей раз“ получилось не совсем удачным, так как Зомбарт, как и сам автор, вынужден признаться в своем труде „Современный капитализм“ (т. III), что он отводит все же и в эпоху финансового капитализма первостепенную роль внутривымышленному накоплению. Цифровые данные, приводимые автором в отношении развития Германии в XX веке (представьте себе!), не могут задеть ни с какой стороны теорию марксова капитала. Но это еще не все. Марксова теория „первоначального накопления“ должна быть отвергнута. В конце первого тома „Капитала“ Маркс указывает, что „в западной части Европы, на родине политической экономии, процесс первоначального накопления более или менее закончен“.

одной стороны автор относит это „первоначальное накопление“ к глубокому средневековью (XV—XVI вв.), которое (первоначальное накопление) по Марксу „более или менее“ в 60-х годах XIX в. „в Западной части Европы“ закончено; с другой же стороны, автор утверждает, что этот процесс еще не закончен, так как „вся индустриализация современных индустриальных стран произошла, собственно, после этого“, т.-е. после 60-х годов XIX века. Не говоря уже о том, что здесь в одну кучу свалены периоды „первоначального накопления“, промышленного капитализма и финансового капитализма, автор ломится в открытую дверь, пользуясь случаем заверить свое „почтение“ Марксу. Что общего между

нашим профессором и Марксом „хотя бы“ в понимании капитала — ярко характеризует следующее положение Каценеленбаума: „Раньше всего промышленность нуждалась в целом ряде таких элементов капитала, которые прежде принадлежали сельскому хозяйству. Сюда относятся прежде всего земля...“ (подчеркнуто нами. Ш. Т.) Вообще говоря, пора уже прекратить детскую игру в прятки. Обосновывать теорию капиталонакопления кредита по Каценеленбауму и далее отсюда протягивать нить к путям индустриализации вне всякого различия к капиталистическим странам СССР, — конечно, не приходится.

Пытаясь доказать роль кредита в процессе индустриализации капиталистической России, автор отвергает общеизвестное положение о роли иностранных капиталов в развитии довоенной России. Автор, будучи последовательным, и здесь отводит в капиталонакоплении первое место сбережениям внутри страны. К длинным статистическим выкладкам он прибавляет то, ни на чем не основанное допущение, будто, начиная с 60—70-х годов прошлого столетия, в течение 40 лет в Россию не импортировалось капиталов, затем, что за этот период лишь одни прибыли и проценты за ввезенный однажды капитал составили величину в $8\frac{1}{2}$ —9 млрд. руб. и что все, вместе взятое (ввезенные 1 — $1\frac{1}{2}$ млрд. руб. плюс $8\frac{1}{2}$ —9 млрд. руб. прибыли) продолжало оставаться и расти вплоть до 1913 г. внутри страны. Но если $8\frac{1}{2}$ —9 млрд. руб. образовались из прибылей и процентов, то это тем более в корне опровергает теорию сбережений и теорию „Капитала“ проф. Каценеленбаума. Какая, в действительности, нужна была чудовищная норма эксплуатации для увеличения капитала в 10 раз! Мы не пытались опровергнуть цифры профессора — такой задачи мы себе не ставили, но приняв даже все эти выкладки на веру, мы должны констатировать, что автор очутился в положении, аналогичном истории с унтер-офицерской вдовой.

Резюмируем. Мы отнюдь не отрицаем большой роли кредита в индустриализации капиталистических стран. Мы далеко не отрицаем его огромной роли у нас. Но иеремияда профессора Каценеленбаума имеет совершенно иной смысл и, как мы выяснили, абсолютно иное значение. Добираться до „теории“ снижения цен в СССР путем „подчистки“ и „корректирования“ Маркса — задача, выражаясь мягко, в теоретическом отношении весьма рискованная.

Ш. Я. Турецкий

Материалы к пятилетнему перспективному плану местной промышленности РСФСР на 1926/27—1931/32 гг. Гостехиздат, М. 1928 г. Стр. 355. Цена 10 руб.

Рецензируемая книга ставит проблему планирования в отношении одной из частей нашей государственной промышленности, именно местной промышленности.

Между тем, понятие местная промышленность является, в сущности, понятием административным, но не экономическим.

Это обстоятельство вводит дополнительные трудности при наметке перспектив, в особенности в части нового строительства, так как во многих случаях — помимо всего прочего — неизвестно, будет ли намеченный к постройке завод подчинен ВСНХ республики или ГСНХ.

Сознавая эту условность подразделения новых предприятий на предприятия республиканского и местного значения, редакторы „Материалов“ поместили и некоторые сведения по республиканской промышленности, в том числе перечень намечаемых к постройке предприятий республиканского значения.

Но этим задача решается лишь частично, — остается неразрешенным вопрос о разграничении работы местной промышленности ВСНХ (в ее обычном понимании, т. е. находящейся в ведении областных, губернских и окружных органов) и предприятий уездных, районных и волостных исполкомов, различных видов кооперации, наконец, частной промышленности. Вопрос этот, к сожалению, остается недостаточно освещенным.

В вводной статье тов. Лобова указывается, что сообщаемые в сборнике планы местных советов народного хозяйства даже после коррективов, внесенных в них ВСНХ РСФСР, являются „грубо ориентировочной наметкой важнейших показателей, методологически и практически несовершенной, поскольку промышленность не овладела задачей конкретного построения самих мероприятий по рационализации производства, по максимальной экономии затрат и по технической высокой постановке как проектирования строительства с наибольшей эффективностью, так и его осуществления“ (стр. 6).

Планы местных СНХ исходят из весьма больших затрат на строительство — в большей части за счет государственного и местного бюджетов (местные планы, как отвечает тов. Лобов, не ставили перед собой ограничений общегосударственного порядка — ресурсы госбюджета и т. п.). Затраты эти не всегда увязаны с перспективами снижения себестоимости продукции. Как и в ряде других планов, мало внимания отдано вопросам техники производства (а ведь в местной промышленности мы встречаемся нередко с самыми архаическими методами производства и самым несовершенным оборудованием). Не всегда достаточно тщательно проработан вопрос об оптимальном размере предприятий (почему, например, картофелетерочные заводы в Рязанской губ. намечаются два в 100 тыс. руб. и один в 140 тыс. руб., а в соседней Тамбовской — в 150 тыс. руб.? ¹ А ведь не меньшие недоумения возникают и по ряду крупных объектов).

Не обращено достаточного внимания и на сроки строительства. Так, например, горчично-маслобойный завод в Сталинграде намечается со сроком строительства в 4 года, кожевенный завод в том же Сталинграде — даже 5 лет. Кореньевский сахарный завод на Северном Кавказе — пуск на четвертый год (тогда как Ночинский — с такой же, примерно, стоимостью строительства — на следующий после начала постройки год) и т. д.

Недостаточная проработанность исходных материалов чрезвычайно затрудняет анализ составленных различными авторами сводок по основным проблемам развития местной промышленности — развертывание производства, труд, сырье, топливо, капитальное строительство, финансы.

Наибольший интерес в рецензируемом сборнике представляют проблемы специализации районов и развития промышленности в неиндустриальных областях, особенно в отсталых национальных областях и республиках и на окраинах.

Наибольшее значение в местной промышленности РСФСР (29% валовой продукции) имеет текстильная промышленность и, в первую очередь, хлопчатобумажная.

Распределение капитального строительства по хлопчатобумажной промышленности производится с исключительным преобладанием „старых“ районов: из 207 млн. руб. на ЦПО приходится около 190 млн. руб.

¹ Тут возникает и другой вопрос — уже по линии увязки с планами кооперативного строительства. Почему картофелетерочные заводы с производительностью 100 тонн должны строиться губовнархозами, а не с. х. кооперацией?

„Желание ряда губерний, особенно по Волге, насадить у себя хлопчатобумажную промышленность встретило сдержанное отношение и в сводку включена для опыта лишь одна прядильня в Сталинграде, в целом же развитие производства совершается в старых основных центрах“ (стр. 19, курсив наш. А. Б.).

Общая сумма капитального строительства металлической промышленности такая же, как в текстильной промышленности. И здесь доля ЦПО особенно выделяется (в частности, на Московскую губ. приходится около половины всего строительства). Однако, это объясняется развитием высококвалифицированных видов металлообработки, — специального машиностроения (в том числе текстильного и полиграфического), автомобильного и велосипедного производства, производства инструментария и т. п.

Некоторые сомнения возбуждает намечаемое Нижегородским ГСНХ оборудование специальных цехов для текстильного машиностроения на одном из имеющихся заводов (сомнения и по линии экономичности использования существующих заводов и по линии выбора места строительства).

Серьезным дефектом районных и губернских планов развития местной металлической промышленности является недостаточное внимание к обслуживанию потребностей сельского хозяйства. Как правильно отмечает в одной из статей сборника тов. Ивенецкий, „для большинства губерний проблема обслуживания металлопромышленностью местных нужд, а в первую очередь сельского хозяйства, не разрешена“ (стр. 18).

По химической промышленности не обоснована постройка содового завода в Дагестане.

Не понятно, почему при наличии залежей фосфоритов в Калужской губ. статья о перспективах по Центрально-Промышленному району не касается вопроса об их добыче и размоле (в то время, как указывается расход в 168 тыс. руб. на две фосфоритные мельницы в Рязанской губ.).

Имея в виду намечаемое интенсивное развертывание бумажного производства в Северо-Западной (Ленинградской) области (в широком смысле, т. е. включая Карельскую ССР), мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о географическом размещении бумажной промышленности РСФСР с полным учетом производственных возможностей Северо-Восточной области, планы которой ни по республиканской, ни по местной промышленности пока не предусматривают нового строительства по бумажной промышленности.

Сторонники развития бумажной промышленности в Северо-Восточной области указывают на большую целесообразность экспортного использования лесов Северо-Западной области (экспорт плюс снабжение древесиной Ленинграда).

Большие сомнения возбуждает темп увеличения бумажной промышленности Центрально-Промышленного района. Валовая продукция (в неизменных ценах) в 1931/32 г. должна составить 492% от продукции 1926/27 г., тогда как в среднем по местной промышленности всей РСФСР бумажная промышленность дает 307%.¹

Как же намечает сводка местных планов размещение промышленности к 1931/32 г.?

¹ Этот коэффициент роста местной бумажной промышленности мало реален; но нас в данном случае интересует не общее развертывание производства, а его территориальное распределение и темпы, намечаемые для отдельных районов.

Приведем такую таблицу:

	Удельный вес валовой продукции местной промышленности в ценах 1926/27 г. ² (в %/о).	
	1926/27 г.	1931/32 г.
Ленинградская область	11,0	12,0
Центрально-Промышленная область	55,1	53,7
Урал	4,6	3,9
Центр.-Черноз. Средне-Волжская и Нижне-Волжская области	10,0	9,8
Северный Кавказ	8,6	7,8
Прочие области Европейск. части РСФСР	6,1	6,7
Азиатская часть РСФСР	4,6	6,1
Всего	100	100

Вполне естественно, что при быстром темпе возрастания неиндустриальные районы и через 5 лет будут давать небольшую относительно долю всей промышленной продукции.

Если учесть к тому же, что на новые районы приходится значительная часть строительства новых предприятий республиканского и союзного значения, то становится весьма затруднительным говорить о достаточности или недостаточности намеченного перемещения промышленности. Но рассмотрение предлагаемых планов приводит к выводу о необходимости дополнительной проработки вопросов, связанных с выявлением промышленного „лица“ района. Перед местными работниками остается исключительной важности задача такой перестройки планов, при которой особенности каждого из районов были бы выявлены более четко.

К техническим недостаткам издания следует отнести не всегда достаточную четкость заголовков (например, в большинстве таблиц не указано — идет ли речь о рублях или тысячах рублей: в действительности это тысячи рублей; в табл. 124, стр. 346 — по ряду заводов не указано, к какой отрасли пищевой промышленности они относятся, и т. д.), наблюдающееся иногда несоответствие данных в различных таблицах (напр., по таблице 114 все затраты по Прохладненскому маслозаводу на Сев. Кавказе приходятся на пятилетие, оканчивающееся 1931/32 г., а по таблице 124 строительство оканчивается в 1932/33 г., срок постройки спичечной фабрики в Калуге по одной таблице 1927/28—1928/29 гг., а по другой — 1930 и 1931 гг.), наконец, арифметические погрешности таблиц.

Не удалось избежать в книге и опечаток, иногда извращающих смысл (напр. „медеплавильный завод“ в Курской губ., тогда как речь идет о мелоплавильном заводе — стр. 329; макаронная фабрика в Раненбурге вместо махорочная — стр. 346). Цена сборника исключительно высокая.

Алекс. Брауде

И. Гершман. Экономика животноводства. Опыты экономического исследования, 2-е издание, переработанное и значительно дополненное. Москва, Книгосоюз. 1928 г.

Наука, изучающая экономические процессы в сельскохозяйственном производстве, — сельскохозяйственная экономика в ряде других экономических дисциплин, является позднейшей и в ней ряд существенных для нас проблем недостаточно разработан. К такого рода проблемам вопросы

¹ Проценты исчислены нами, так как и в тексте на стр. 13 и в приложении, в табл. 5, доли отдельных районов указаны неточно. Неужели проценты такая сложная „наука“?

экономики животноводства должны быть отнесены в первую очередь. И так как животноводство в наших условиях именно в настоящий момент приобретает злободневный интерес, то и появление всякой работы по экономике животноводства должно приобретать особенный интерес.

Книга тов. Гершмана рассматривает экономику животноводства с двух сторон — со стороны зоотехнической и экономической, причем первой уделено столько места и внимания, сколько необходимо для обоснования экономических выводов. Вопросам же теоретической установки в экономике животноводства, к великому сожалению, автором не уделено должного внимания почти совершенно. И в самом деле, чем можно, например, объяснить такое явление, что вопросу о „падении производительности последовательных затрат“, являющихся для буржуазных экономистов законом, правда, в последнее время подвергающимся некоторой ревизии, автором уделено только 12 строк. А между тем, злободневность этого вопроса не только теоретическая, она имеет и глубокий практический смысл. Затем в этом сжатом параграфе (стр. 16) говорится так: „Когда реорганизация полеводческого хозяйства дает возможность получить больше корма для скота, то животноводу, во избежание падения производительности, необходимо как можно скорее сменить свое стадо на более улучшенное“. Формулировка совершенно неопределенная. Если бы животноводу при реорганизации полеводческого хозяйства удалось получить больше корма на единицу труда и материальных средств, то разве этим от скармливания корма тому же по производительности стаду не увеличилась бы оплата произведенных им затрат. Другое дело, если добывание корма на единицу его производства увеличивает затраты труда и материальных средств, тогда, естественно, нужно как можно скорее сменить свое стадо или даже изменить направление его (например, в овцеводстве от чистошерстного к мясошерстному и т. д.).

Правильно взятая и выдержанно проводимая тов. И. Гершманом установка на зависимость прогресса животноводства от развития рыночных условий и размеров товарности подтверждена в достаточной степени иллюстрационным материалом и является большим достоинством книги.

Для нас сейчас, в виду форсирования роста группы молочного скота не только в старых районах молочного скотоводства, но и в районах новых (как, напр., Северный Кавказ, Украина и др.), было бы крайне необходимо более детально изучить послевоенную конъюнктуру по продуктам молочного хозяйства и, в частности, по маслу и роль стран, конкурирующих с нами.

В желательной степени этот вопрос, очевидно по недостатку материала, тов. Гершман не осветил. Затем в экономике животноводства нужно было бы затронуть вопросы производственного кооперирования животноводства. К существенным недостаткам, с моей точки зрения, относятся чрезвычайная ограниченность места, которая уделена в книге СССР — главное место занимает С.-А. С.Ш. А ведь не для всех районов СССР практика С.-А. С.Ш. может и должна являться примером. Многие положительные в условиях американского хозяйства — при иных социальных и рыночных условиях у нас — может той же эффективности и не дать, или даже привести к противоположным результатам.

В заключение необходимо указать, что несмотря на ряд других упущений книга тов. И. Гершмана, несомненно, заслуживает весьма серьезного внимания и в некоторой части заполняет тот пробел, который в сельскохозяйственной экономической литературе имеется. Книга И. Гершмана представляет большой интерес не только для практического работника, но является безусловно необходимым и весьма полез-

ным пособием для учащихся сельскохозяйственных учебных заведений, которым труд И. Гершмана поможет разобраться в том сложном комплексе экономических взаимозависимых условий, над изучением которых они работают в школе, а окончив ее должны будут руководить сельскохозяйственным производством в государстве.

Н. Т.

Проблемы долгосрочного кредитования промышленности. Сборник статей под редакцией проф. А. А. Соколова. Финансовое издательство, 1928 г., стр. 158.

Общие проблемы долгосрочного кредита и специальные вопросы долгосрочного кредитования промышленности недостаточно разработаны в нашей экономической литературе. Из всех областей кредитной работы долгосрочный кредит в промышленности привлекал наименьшее внимание общей и специальной печати. В известной мере объяснялось это тем обстоятельством, что только в последние годы долгосрочное кредитование промышленности приобрело серьезное практическое значение в народном хозяйстве Союза, сделавшись одной из центральных задач нашей экономической политики.

Ограниченность литературных материалов придает особый интерес всякой новой попытке внести ясность в спорные вопросы долгосрочного кредита. Изданный Финансовым издательством сборник представляет ряд статей, исследующих отдельные моменты долгосрочного кредитования промышленности. Помещенные в сборнике статьи по программе своей могли бы быть сведены в три группы. Статьи проф. Э. С. Каценеленбаума и проф. А. А. Соколова (глава I „Проблема долгосрочного кредитования промышленности“ и глава VIII „Проблема организации долгосрочного кредита“) исследуют общее содержание проблемы. Статьи Н. А. Грузмана, Ф. Д. Лившица и А. А. Дезена (глава II „Методы, источники и формы долгосрочного кредитования промышленности“, глава III „Организация долгосрочного кредитования промышленности в СССР“, глава IV „Ресурсы долгосрочного кредитования промышленности“ и глава VII „Деятельность банков долгосрочного кредита и перспективы долгосрочного кредита в СССР“) посвящены более конкретному анализу условий и задач нашей работы в области долгосрочного кредитования промышленности. Третья группа включает статьи Л. С. Эльсона и С. Т. Кистенева, исследующие специальные моменты проблемы (глава VI „О способах обеспечения долгосрочных промышленных кредитов“ и глава V „Облигационный промышленный кредит“).

Основным недостатком рецензируемого сборника является чрезвычайная повторяемость исследуемых тем и помещенного материала. Построение и программа сборника не всегда даже соответствуют содержанию отдельных статей. При этом повторяемость материала сопровождается также тем недостатком, что почти все статьи проникнуты аналогичными принципиальными устремлениями. В то же время оригинальные взгляды, встречающиеся в некоторых статьях, не получили должной разработки.

Весь сборник посвящен, главным образом, двум темам: 1) использованию бюджета, как организатора долгосрочного кредита и 2) необходимости учреждения специального банка для долгосрочного кредитования промышленности. В условиях нашей экономики бюджет является, конечно, основой перераспределения национального накопления и обращения основной массы национального дохода на дело индустриализации страны. Однако, никоим образом нельзя отказаться от тех возможностей, которые могут быть использованы для этих целей в области внутривидовой

ленного накопления и рынка частно-капиталистических сбережений. С этой точки зрения заслуживают особого внимания замечания, имеющиеся по этим вопросам в статьях Э. С. Каценеленбаума, С. Т. Кистенева, Н. А. Грузмана, А. А. Дезена (ср. стр. 18, 39, 87, 95, 111). Отсутствие статей, выражающих различные взгляды по поставленным в сборнике вопросам, понижает ценность рецензируемой книжки, тем более, что сборник должен был, судя по предисловию редакции, представить результаты особой комиссии, специально работавшей над вопросами долгосрочного промышленного кредита.

Исследование проблем долгосрочного кредитования промышленности должно было бы дать общую характеристику вопроса и затем в ряде статей конкретный обстоятельный анализ источников долгосрочного промышленного кредита (уделив каждому из них должное внимание). Взамен этого почти во всех статьях представлено краткое описание (подчас едва ли не перечень) всех ресурсов (без надлежащего анализа каждого из них); равным образом, все статьи останавливаются на организационном вопросе, не уделяя при этом достаточного внимания критической оценке различных проектов.

Принципиальный смысл сборника умалывается в виду этого еще и по той причине, что книга выпущена с большим запозданием, потеряв, в известной мере, свой практический интерес, так как многие из поставленных вопросов получили уже свое разрешение. Следует отметить, что в ряде статей исследование обрывается 1926 годом. Недостатком является, кроме того, отсутствие общего исторического очерка. Вместо того чтобы, ограничить историческое описание развития нашего долгосрочного кредита в одной главе, сосредоточив в ней все соответствующие данные, почти во всех статьях встречаются разбросанные указания, не дающие цельного представления о вопросе. Нельзя также не отметить недостаточность анализа проблемы основного капитала промышленности (ср. стр. 21—24, 70—71).

Крупнейшим и совершенно непростительным недостатком сборника является отсутствие связи всего исследования с общей нашей установкой на индустриализацию страны.

А. М. Гольденберг

Пути индустриализации. Двухнедельный экономический журнал. Орган президиума ВСНХ СССР. 1928 г. Изд. „Известий ЦИК“, №№ 1—6.

Новый журнал „Пути индустриализации“ ставит своей целью быть „боевым центром, идейно организующим и объединяющим основные кадры работников в области промышленного строительства“.

Содержание вышедших первых шести номеров журнала довольно разнообразно, охвачен большой круг вопросов, связанных с проблемой индустриализации.

Статьи, посвященные общим вопросам о характере и путях индустриализации, выдержаны в духе решений партии, выраженных резолюциями XIV и XV съездов.

Борясь за линию партии, журнал с первых же шагов дает отпор наскокам буржуазной идеологии, вскрывая подлинный смысл выступлений буржуазных экономистов по поводу вариантов пятилетнего плана, разработанного Госпланом и ВСНХ.

Таким отпором буржуазной идеологии, просачивающейся даже „в официальных органах наших ведомств“, является помещенная в № 1 статья И. Кравала „Пути индустриализации“. Тов. Краваль разбирает выступления проф. Каценеленбаума, А. Вайнштейна и А. Дезена. Сверх-

индустриализаторские намерения проф. Каценеленбаума основаны на предложении перераспределения национального дохода путем снижения накопления государственного сектора хозяйства и усиления аккумуляции через кредитную систему накоплений в частном секторе. Это означает не что иное, как передачу громадного накопления в частный сектор хозяйства, стимулирование развития частного капитала.

Ретивые буржуазные критики выступают и против ряда завоеваний рабочего класса тоже... во имя индустриализации. А. Дезен скорбит о том, что подрывает стремление населения к индивидуальным сбережениям государственное социальное обеспечение.

А. Вайнштейн считает неприемлемым принцип социализации воспроизводства рабочей силы, как задерживающей развитие производительных сил. Вайнштейн, однако, хитрее Дезена, поэтому он прикрывает свой протест против расходов на медицинские, социальные нужды предложением увеличить индивидуальную заработную плату.

Дезен и Вайнштейн выступают и против „нереальных“ темпов индустриализации, запроектированных в пятилетках Госплана и ВСНХ, потому что они, мол, выше темпов развития капиталистических стран, против больших капитальных вложений, так как не обеспечены условия для необходимого накопления, благодаря нивелировке доходов в СССР.

Перераспределение накоплений в пользу частного сектора, развязывание возможностей накопления в частном секторе, понижение уровня благосостояния рабочего класса и бедняцких и середняцких слоев деревни,— такова программа, которую нам пытаются навязать буржуазные экономисты.

Прав тов. Краваль, квалифицируя такие предложения, как попытку „вернуть нашу политику с классового пролетарского пути индустриализации на пути капиталистического развития“. „Других путей, кроме путей, вытекающих из капиталистической практики царской России и окружающих нас капиталистических стран, не видят и видеть не могут“ эти критики.

Партийный курс на индустриализацию подвергся обстрелу не только со стороны буржуазных экономистов.

В связи с конъюнктурными затруднениями первого полугодия текущего хозяйственного года стали усиливаться голоса о зажиме легкой индустрии, о слишком большом ударе на тяжелой индустрии. Ряд экономистов предложил пересмотреть пропорции и темпы развития тяжелой и легкой индустрии в пользу последней. Считая, что здесь речь идет о „некоторой ревизии тех постановлений партии, которые были до сих пор у нас в части наибольшего форсирования производства средств производства“, журнал живо реагировал на эти опасные конъюнктурные настроения. Тов. Куйбышев в статье „Основные задачи промышленности“ (№ 1) дал ряд солидных аргументов о том, что „генеральная линия, которая нашей партией установлена на тяжелую индустрию... является не только принципиально правильной, но... со всей категоричностью диктуется сегодняшней хозяйственной обстановкой“.

Во втором номере мы находим по этому же вопросу интересную статью тов. Розенталя „Товарный голод и индустриализация“, защищающую тяжелую индустрию от обстрела конъюнктурщиков. „Социалистическая реконструкция нашего хозяйства заключается прежде всего и в первую очередь в повышении материально-технического уровня нашего народного хозяйства, в развитии отраслей производящих средства производства — в индустриализации нашего народного хозяйства“.¹

¹ Разрядка наша. А. П.

Вопрос о конъюнктурных настроениях разбирается также в статье тов. Хавина „К вопросу о балансе между городом и деревней“ (№ 2) и „Заметках о конъюнктуре первого квартала“ Н. Вагранского.

В последующих номерах журнала по вопросу о развитии легкой и тяжелой индустрии разворачивается оживленная дискуссия между тов. Гуревичем и Сабсовичем, с одной стороны, и тов. Розенталем, с другой, законченная только в последнем рецензируемом номере.

Конъюнктурные настроения особенно ярко выявились в статье тов. Гуревича „Наши хозяйственные затруднения и дальнейшее направление политики“ (№ 4). Дав описание наших хозяйственных затруднений, тов. Гуревич приходит к выводу, что решающее влияние на ход хлебозаготовок оказала переброска товаров в деревню и на этом основании высказывается за „более благоприятное развитие легкой индустрии“.

В пылу защиты легкой индустрии тов. Гуревич требует мероприятий „по изысканию капиталов и кредитов за границей, при помощи которых можно было бы усилить промышленность и импорт“ (?) и т. д.

С другого конца — со стороны пятилетнего плана — подходит к защите легкой индустрии тов. Сабсович в статьях „Проблемы развития тяжелой и легкой индустрии“ (№ 4), „Проблема внутрипромышленного накопления в перспективных планах промышленности“ (№№ 5, 6).

Во второй статье тов. Сабсович снова возвращается к проблеме внутрипромышленного накопления, снова доказывая, что главным источником развития является легкая индустрия.

Ход рассуждений тов. Сабсовича интересен и оригинален, некоторые мысли новы и заслуживают внимания (напр., проблема бесприбыльности оборота в государственном хозяйстве и т. д.) но в целом его концепция не верна, так как он, в конечном счете, превращает легкую индустрию чуть ли не в единственный источник социалистического накопления. Две ответные статьи тов. Розенталя №№ 4 и 6 дают верный в общем ответ тов. Гуревичу и Сабсовичу, проводя правильную мысль, что „ставить легкую индустрию в положение“, определяющее рост тяжелой индустрии, значит проявлять своеобразный хвостизм в понимании роли и задач тяжелой индустрии“ (№ 4).

Несравненно более слабое отражение на страницах журнала получили вопросы оперативного и перспективного планирования промышленности.

Промфинплан на 1927/28 г. не подвергся достаточному обсуждению. Из статей, посвященных промфинплану, отметим интересную статью А. Локшина „Элементы затрат на производство по общесоюзной промышленности на 1927/28 г.“ (№ 4), посвященную сводной смете производства госпромышленности, впервые вошедшей в промфинплан. Автор оценивает это как первый опыт планирования рационализации. Останавливают на себе внимание и статья тов. Штерна „Финансовые проблемы в сводном плане промышленности“ (№ 5) и особенно статья тов. Хавина „Уроки планирования“, на основе опыта промфинпланов двух лет намечающая те коррективы, которые в промфинпланы надо внести в дальнейшем. Остальные статьи сухи и напоминают ведомственные отчеты.

Не лучше положение с освещением вопросов перспективного плана промышленности. Кроме отмеченных выше статей Сабсовича и Розенталя, перспективному плану уделена лишь передовая общего характера в № 6.

Несколько статей посвящены вопросам рационализации. Останавливает на себе внимание из них статья тов. Шахназарова: „Техническое нормирование труда и рационализация производства“ (№ 5) Она содержит ряд предложений по улучшению работы по нормированию труда,

предложений существенных, но некоторые из них неверны. Так, автор высказывается за применимость в наших условиях американских систем заработной платы. „В наших условиях, — говорит он, — применительны и временная и сдельная оплата и урочно-премиальная (Роуэна)“. Известно, что система Роуэна, как и другие американские системы премиальной оплаты труда, здорового и нормального роста производительности не обеспечивают и являются чисто капиталистической системой заработной платы, рассчитанной только на повышение интенсивности труда. Система построена так, что премия выдается только за повышенное и напряженное трудовое усилие, без обязательности одновременного улучшения организации других элементов производства. Эта система оголтелой капиталистической эксплуатации никак не вяжется с задачами социалистической рационализации производства, которая должна обеспечить улучшение условий труда, сохранения сил рабочего и всестороннего его развития.

Заслуживает внимания статья тов. Друлина (№ 2), посвященная критериям рационализации.

Вопросам улучшения управления промышленностью посвящена содержательная статья т.т. Лакина и Бренера об „Организации управления промышленностью“ (№ 1). „Проблема себестоимости и качества продукции, — пишут авторы, — зависит от организационного строительства промышленности в такой мере, как и от технической стороны производства“. Поэтому со всей остротой требуется правильное разрешение вопросов организационного строительства промышленности. Авторы касаются только одного из них, — о целевой установке в работе главных управлений ВСНХ. Комментируя резолюции I пленума ВСНХ СССР по затронутому вопросу, авторы выдвигают такое положение: „При системе доверия нижестоящим звеньям новое руководство главка должно иметь главным объектом своего внимания не трест (хотя и остающийся основной промышленной единицей), а отдельные основные промышленные проблемы“.¹

Вопросы мелкой, кустарно-ремесленной промышленности освещены в статьях Кроненберга „К вопросу о путях развития кустарной промышленности“ (№ 6) и И. Т. Кипермана „Первый опыт“ (№ 4).

Останавливаясь на перспективах развития мелкой промышленности, тов. Кроненберг разбирает директивы III пленума ВСНХ РСФСР о дифференцированной политике к различным отраслям мелкой промышленности и о путях вовлечения последней в социалистический сектор хозяйства. К сожалению, статья имеет очень информационный характер. Поднят ряд весьма актуальных интересных вопросов, но только поднят, а не проработан.

Тов. Киперман освещает в своей статье первый опыт планирования кооперативной и кооперированной промышленности, нашедшей отражение в разработанном Госпланом РСФСР сводном промфинплане на 1927/28 год.

Из материалов об отдельных отраслях промышленности укажем на содержательную статью тов. Межлаука „Основные задачи металлопромышленности“ и заметку Юрисова „К итогам первого опыта введения 7-часового рабочего дня“ (№ 5).

Мы исчерпали в основном содержание рецензируемых номеров.

Журналом поднят ряд актуальных и интересных проблем, но целый ряд важнейших вопросов остался еще в тени или вовсе не затронут. Несомненно, допущено излишнее обилие конъюнктурных материалов, до-

¹ Разрядка наша. А. П.

статочно освещенных газетами. В шести номерах 5 конъюнктурных обзоров! Это слишком много.

Журнал хороший, но многие из его задач ждут еще своего „материального выражения“.

Ал. Попов

Вопросы торговли. Под ред. А. И. Микояна, Ш. М. Дволайцкого и др. Ежемесячник, посвященный экономике, политике и технике внешней, внутренней и международной торговли. №№ 1—5 за 1928 г.

„Вопросы торговли“ первым же своим номером заняли определенное место в периодической нашей литературе, и не только тем, что торговля до того не имела ежемесячника, но и тем, — а это главное, — что они представляли собою такой тип ежемесячника, в котором имеется настоятельная потребность. Характеризуя задачи журнала, тов. Микоян объясняет его появление необходимостью „кропотливого изучения и теоретического осмысливания всех изменений нашей экономики, в том числе в сфере обмена“. В соответствии с этим он считает задачей „Вопросов торговли“ „изучение всех проблем в сфере обмена, изучение опыта организации нового аппарата и способа распределения и теоретическое обобщение этого опыта“.

Буржуазное общество реализует в торговле те общественные отношения, которые создаются вне ее. Капиталистическая торговля не имеет своих собственных задач в общем укладе капиталистического народного хозяйства. Она идет predeterminedными путями и выполняет predeterminedные функции. Для нее важны поэтому только вопросы тактики и торговой техники, которыми наполняются все литературные экскурсии в области торговли.

Иная роль выпадает на торговлю в переходное время. Она — правомерный сотрудник в деле строительства нового хозяйства, а главное — борьбы за социализм. Тут даже с прекрасной ориентировкой в тактике и технике далеко не уедешь. Более того, самую тактику и технику необходимо подчинить тому комплексу знания и осознания торговых процессов, которую дает особая научная дисциплина, именуемая экономикой торговли.

С этой точки зрения, вышедшие пять номеров журнала оправдывают его существование, как „ежемесячника, посвященного экономике, политике и технике внешней, внутренней и международной торговли“. Не говоря о 2—3 номере журнала, наполненном статьями, характеризующими историю советской торговли за первое десятилетие Октябрьской революции (статьями интересными и содержательными, но, к сожалению, недостаточно одухотворенными осознанной идеей советской торговли), в вышедших книжках журнала мы имеем ряд статей, касающихся серьезных проблем торговли вообще и советской торговли в том числе.

Ш. Дволайцкий в статье „Торговый аппарат в капиталистических странах и в СССР“, характеризуя дороговизну торговли в капиталистических странах и сопоставляя торговые расходы у нас и в Соед. Штатах, устанавливает „преимущества“ советской торговли, вытекающие „из существа“ советского строя народного хозяйства. „На основе этих преимуществ мы, несмотря на все пороки нашей торговой системы, уже добились колоссального сокращения непроизводительных издержек обращения и создали, правда, в самых общих контурах, прообраз социалистического аппарата распределения“. Разумеется, эта оценка советской торговли, а советской торговли, как „прообраза социалистического аппарата распределения“, является слишком категоричной, ибо социализм — это отрицание торговли, а советская торговля — все-таки торговля, спе-

цифичность же ее заключается в том, что в соответствии с задачами переходного времени она, совершенствуя товарообращение, сознательно идет к самоуничтожению. Но совершенно прав тов. Дволайцкий, указывая что только торговля переходного времени в силах активно бороться с „трагедией расточительности“, раз'едающей „процветающий“ капитализм.

Той же разнице в расходах торговли у нас и в капиталистических странах посвящена статья Ц. Крона, „Об издержках обращения“. В своих выводах тов. Крон не расходится с тов. Дволайцким, зато он подробнее останавливается на характеристике советской торговли, отмечает (правда, вскользь) те требования, которые можно к ней предъявлять, и те пути, по которым следует идти к ее улучшению.

В связи с постановлениями XV съезда ВКП(б) о „наших задачах в области товарооборота“ пишет в своей статье Арт. Кактынь, необходимо наметить программу „рационализации и совершенствования торговой сети, ее максимального приспособления к нуждам широко обслуживаемых ею масс, придания ей необходимой гибкости и эластичности“.

Особенно много места журнал уделяет вопросам нашей внешней торговли и торгового хозяйства в целом. М. Кауфман („Экспорт и народное хозяйство“) объясняет причины сокращения нашего экспорта сравнительно с довоенным временем и намечает пути, по которым наша внешняя торговля пойдет в дальнейшем. С автором нельзя не согласиться, что „несмотря на все трудности, какие предостоят на пути сбыта советских товаров на мировом рынке, эти трудности не должны влиять на политику форсирования экспорта... Не правильно думать, что индустриализация поведет к сокращению внешних торговых связей.“

Ряд статей затрагивает общие вопросы мировой торговли (Р. Андерс, „Мировая торговля машинами“, Г. Гирштейн, „Послевоенные сдвиги в международной хлебной торговле“, Е. Волков „Организационные проблемы современной мировой хлебной торговли“, А. Любимов, „Современное положение мировой нефтепромышленности“ и др.), либо разные вопросы хозяйственного положения отдельных стран (статья известного в литературе о торговле проф. Ю. Гирша, „Оборотный капитал Германии“, Р. Андерса, „Репарация и внешняя торговля Германии“ и т. д.).

Теория торговли, в строгом смысле слова, пока еще не получила отклика в журнале, если сюда не отнести трех статей чисто методологического характера — проф. А. Фишгендлера („К теории о методологии изучения издержек обращения“), И. Завича („Методология платежного баланса“) и проф. С. Фалькнера („К анализу основных понятий внешней торговли“).

Кроме отдела „Статей“ в журнале имеется разнообразный и интересный отдел „Очерков и обзоров“. Впрочем, границы между обоими разделами журнала — „Статьями“ и „Очерками и обзорами“ — не всегда выдержаны. Например, статья Л. Залкинда „О положении рынка“, имеющая все особенности обзора, помещена в отделе „Статей“, а некоторые из упомянутых нами выше работ, вовсе не характерных для „обзоров“, помещены в отделе „Очерков и обзоров“.

Сказанное нами о новом журнале дает основание надеяться, что он оправдает взятую им на себя трудную задачу. Проблемы торговли требуют не только „экстенсивного“, но еще более — „интенсивного“ внимания. Журнал должен стать на такую высоту, чтобы оправдать существование ежемесячника по торговле рядом с еженедельником („Советская торговля“). Между тем, большинство статей, напечатанных в вышедших номерах „Вопросов торговли“, имеет характер напех сколоченных набросков, — даже те из них, которые касаются крупных проблем това-

рооборота. Сразу вполне наладить столь трудное дело нелегко, конечно. Но „Вопросы торговли“ могут вполне себя оправдать, если они сделаются органом серьезной научной разработки проблем торговой экономики и политики.

С. Зак

Техническая энциклопедия. Изд. акц. общ. „Советская Энциклопедия“. Том I. А — Аэродинамика, 1927 г., 852 стр., том II. Аэродинамика — Бумажное производство, 1928 г., 870 стр. Тираж каждого тома — 21.000. Цена каждого тома — 9 рублей.

Вся „Техническая энциклопедия“ составит 15 томов. Надо всячески приветствовать начало этого грандиозного и капитального коллективного труда. Потребность в подобном издании на русском языке существовала, несомненно, уже в довоенное время. Индустриализация нашей страны, рост производства, огромные размеры капитального строительства, введение совершенно новых производств, быстрый прогресс техники, — все это делает издание технической энциклопедии настоятельно необходимым и ответственным делом. Надо учитывать, что издание технической энциклопедии является относительно значительно более трудным делом, чем издание общей энциклопедии, где подавляющее большинство имен королей, героев, ученых и общественных деятелей, исторических и географических дат и пр., большинство терминов, нарицательных имен и просто слов могут без особых или без всяких изменений переписываться со старых энциклопедий — русских или иностранных. Совсем другое дело — техническая энциклопедия, так как вместе с конструкциями чуть ли не на наших глазах непрерывно рождаются новые теории и новые науки: только на букву „А“ самые крупные очерки и статьи — продукт современности: „Авиация“, „Аэроплан“, „Автомобиль“, „Автоматическая телефонная станция“ и многое другое; на „Б“ — „Беспроволочная связь“ и пр. Но, строго говоря, почти каждое слово в технической энциклопедии переживает быструю эволюцию своего содержания.

Среди участников советского издания „Технической энциклопедии“ мы находим имена многих виднейших работников науки и техники. При этих условиях и при ответственности задуманного дела каждый том, понятно, дает много нужного и ценного материала.

Важно все-таки оценить, насколько выполнены те общие требования, какие можно предъявить к такому изданию, а именно: 1) полнота, компактность и, так сказать, насыщенность изложения; 2) высокая тщательность в отборе материала, в формулировках, а тем более — в формулах; 3) ясность и четкость мысли и изложения; 4) возможная простота изложения, без ущерба для строгой научности, и последовательность его.

Если оценивать первые два тома энциклопедии с этой стороны, можно отметить значительную качественную пестроту текста. На ряду со статьями, написанными довольно простым и легким языком (напр., большой очерк об „авиационных двигателях“, „автогенная сварка“, „атомная теория“) встречаются статьи сухие и тяжелые по изложению, что, может быть, объясняется экономией места и слов, но идет в ущерб усвояемости материала; таковы, напр., „абсолютная система мер“, „балки“ и др., где, нам кажется, возможны были бы, без ущерба для научной точности, более легкий язык и более популярное изложение.

Затем, даже при сравнительно беглом просмотре, доступном рецензенту в этом обильном и разнообразнейшем материале, бросаются в глаза местами дефекты, внушающие опасения, что при углублении в текст число их может соответственно и возрастать. Встречаются, например,

небрежности в формулировках, ведущие к затемнению, а не разъяснению технического принципа или процесса, или конструкции. Приведем пример: определение „авиации“, как летания на аппаратах, которые тяжелее воздуха, дано так: „чтобы аппарат тяжелее воздуха мог в нем держаться, необходимо... прогонять воздух в известном направлении, отчего будет возникать некоторая сила реакции, направления, противоположного направлению движения воздушного потока“. В каком направлении или приборе надо „прогонять воздух“, где будет „возникать сила реакции“ — не ясно; на практике обычно (в аэропланах) „прогоняется“ не воздух, а самый аппарат, а направление реакции далеко не точно назвать „противоположным потоку“. Мысль же составителя здесь такова, что движение воздуха по отношению к летательному аппарату — или, обратно, аппарата по отношению к воздуху — может дать силу, уравнивающую тяжесть аппарата в воздухе. Другой пример небрежности в формулировке — в определении „боксования“, как такого состояния, когда „скорость, с которой вращаются движущие колеса, больше или меньше поступательной скорости локомотива“; но скорость вращения (угловую) нельзя сравнить с линейной поступательной скоростью: здесь составитель в действительности имеет в виду не скорость вращения, а скорость на поверхности бандажа, взятую по отношению к оси колеса, принятой за неподвижную (т.е. скорость вращения, умноженную на радиус бандажа).

А вот небрежность иного рода. Начав читать большую и очень ответственную теоретическую статью „Аэродинамика“, мы почти в самом начале столкнулись с двумя совершенно недопустимыми опечатками, притом не оговоренными в „опечатках“: так, в формуле политропы показатель степени попал в множители, а вывод из этой формулы изложен так: „Изменение плотности в зависимости от давления пропорционально квадрату скорости звука в данной среде. Вследствие того, что скорость звука в воздухе только в четыре раза меньше, чем в воде (надо догадаться, что это — величина большая, раз не указано, в каких мерах предполагается измерение. А. С.), во многих вопросах или задачах аэродинамики можно принимать воздух несжимаемым“. Здесь от читателя требуется некоторое самостоятельное размышление, которое должно привести его к тому, что из данных предпосылок следует именно прямо противоположный вывод, и тогда лишь он сообразит, что в тексте имеется опечатка: надо или переставить слова „плотности“ и „давления“ друг вместо друга, или вместо „пропорционально“ читать „обратно пропорционально“.

Укажем также, что в этой статье „Аэродинамика“ мы не нашли ни ссылки на так называемый „эффект Магнуса“, открытый этим ученым в середине XIX века, ни самой теории этого „эффекта“, разработанной Л. Прандлем (в Германии) в 1904 году. На принципе Магнуса основано сконструированное несколько лет тому назад инженером А. Флеттнером судно с вращающимися цилиндрическими парусами, позволяющее с огромной выгодой использовать силу ветра для движения, так что теория этого вопроса имеет большое практическое значение.

Экономика, столь тесно спаянная с техникой в хозяйственной деятельности, проникла в „Техническую энциклопедию“ уже на букве „А“, именно словом „Амортизация“. Но изложение этой темы мы считаем неудачным; и самое определение этого понятия („амортизация — погашение медленно и постепенно происходящего снашивания основного капитала в течение всего времени его существования путем образования специальных капиталов“), и все последующие пояснения условий и техники этого процесса даны без какой-либо связи с научно-обоснованным (марксистским) представлением об амортизации, как о ценностном или производственном

процессе, и потому носят чисто-бухгалтерский или коммерческий характер.

Материал не систематизирован, и потому в тексте перемешаны различные вопросы из области экономики, техники и юридической природы „амортизации“. Нет попытки дать какую-либо теорию этого процесса, если не считать примерных графиков, лишенных какого-либо теоретического или практического интереса, и такого общего места, что „между нормами амортизации и сроком службы нет прямой (опять небрежность формулировки — составитель хочет сказать: „обратной“. А. С.) пропорциональности“. (Между тем амортизация может быть выражена и математически, как первая производная от ценности имущества, взятая с обратным знаком, если изменение ценности выражено, как функция времени или продукции¹). Указания на возможность процентиования амортизационного фонда противоречат, на наш взгляд, марксистским представлениям о природе этого процесса, так что такая практика не может быть оправдана; автор считает это допустимым, если процентировать и самый основной капитал (как-будто он не процентируется самым фактом получения прибыли предприятием?), „что повысит нормы амортизации“. (Почему? Почему искусственное повышение оценки имущества должно влечь повышение, а не скорее снижение норм амортизации?)

Автор приводит официальные нормы амортизации, не оговаривая уже и официально признанной их непригодности.

Мы привели несколько примеров погрешностей и дефектов, чтобы отметить лежащую на издании печать некоторой редакционной слабости или небрежности, что может быть, конечно, устранено в дальнейших томах путем более тщательной оценки текста и со стороны содержания и со стороны внешнего его выражения, особенно в смысле четкости формулировок и ясности изложения, а также полного устранения опечаток, обязательного в таком материале, насыщенном формулами, определениями, терминами и цифрами справочного характера.

Нет сомнения, что и при указанных недостатках „Техническая энциклопедия“ — большое культурное дело, необходимое для нашей индустриально развивающейся страны.

А. Сегаль

Weltwirtschaftliches Archiv. Zeitschrift des Institut für Weltwirtschaft und Seeverkehr an der Universität. Kile. 26 Band. Oktober, 1927. Heft 2.

Архив мирового хозяйства. Журнал Института мирового хозяйства и мореплавания при Кильском университете. 26 томов. Книга вторая. Октябрь 1927 г.

Журнал Кильского института, руководимого Б. Гармсом, занял по праву одно из первых мест, вернее, первое место, в ряду периодических изданий, посвященных проблемам мирового хозяйства. Как и большинство немецких экономических журналов, он соединяет в себе богатое фактическое содержание всестороннего характера с широким теоретическим охватом экономических вопросов, что делает его в одинаковой степени ценным как для деловых кругов, интересующихся вопросами мирового рынка, так и для экономистов и теоретиков. В отличие от других немецких изданий, теоретическая часть „Архива“ не страдает

¹ См. нашу статью в № 5 „План. Хоз.“ за 1928 г., где дана также общая оценка проектируемых новых норм амортизации, приводимых в тексте „амортизации“ „Технической энциклопедии“.

школьным академизмом, склонностью к чисто абстрактным обобщениям, а тесно увязана с практическими задачами, интересующими соответствующие круги буржуазного общества.

Такова общая характеристика журнала. В общем и целом ей соответствует и рецензируемый нами 26 том. Из более крупных работ, помещенных в ней, следует отметить две статьи, посвященные теории вексельных курсов; реферативный обзор литературы по вопросам мирового хозяйства, приуроченной к европейской экономической конференции, которая была созвана летом прошлого года секретариатом Лиги Наций, затем ряд монографических исследований (грузооборот Панамского канала, как показатель конъюнктурных колебаний, очерк развития промышленности искусственного шелка в 1925—27 гг., о проблеме северного Монетного союза, об огосударствлении кредита в СССР, о последнем отчете генерального комиссара по репарациям и др.). Кроме того, книга содержит богатейшую библиографию экономической литературы (80 страниц текста) и хронику торговых договоров за период 1925—27 гг.

Центральное место и наибольший интерес представляет обзор литературы, представленный на Европейской экономической конференции, принадлежащий перу проф. Прибрама, руководителя статистической секции международного рабочего бюро.

Реферат проф. Прибрама в значительной степени облегчает ориентацию в этих вопросах и для неспециалистов может с успехом заменить чтение первоначальных документов и материалов. Для читателя, знакомого с марксистской критикой современного капитализма и с той информацией об экономической конференции, которая была опубликована в нашей печати, статья Прибрама доставит только добавочный, хорошо подобранный материал, подтверждающий, вероятно, против воли автора, наше советское изложение, оценки и выводы.

Производительные силы мирового хозяйства, в общем и целом, перешли к 1926 г. через довоенный уровень, но при совершенно изменившейся структуре; важнейшие из этих изменений — быстрая индустриализация колоний и перемещение мирового экономического центра из Европы в Соед. Штаты. К этому присоединяется также и балканизация самой Европы, нарушившая прежнее взаимодействие районов, приведшая к ее переиндустриализации в результате искусственного насаждения промышленности во вновь образованных государствах. Характерной чертой, обусловленной этим изменением мирохозяйственной территориальной структуры, является отставание темпа восстановления внешнего торгового оборота от производственных показателей, как результат развития промышленности колоний и изменения пропорций между промышленностью и сельским хозяйством в отдельных странах.

Как характерный штрих буржуазного отношения к проблемам мирового хозяйства следует отметить крайне ничтожное внимание, которое в рассматриваемой литературе уделяется вопросам земледелия, а также рабочему вопросу. По обоим вопросам мы находим в реферате Прибрама крайне скудные данные.

В области рецептов, предлагавшихся для разрешения послевоенных экономических противоречий в Европе, авторы меморандумов, равно как и сама конференция, обнаружили полную импотенцию. Дальше жалоб на неразумные протекционистские мероприятия правительств и призывов к взаимному сближению и пониманию дело не шло. Некоторые документы производят прямо курьезное впечатление. Так, например, германский меморандум о состоянии химической промышленности серьезным видом пытается убедить конферентов, что интересы всего мирового (капиталистического) хозяйства лучше всего обеспечиваются сосредоточением

химической индустрии в одной стране, имеющей для этого „специальное призвание“, т.е. в Германии. Это говорится о такой отрасли промышленности, которая кровно связана с военным делом. Представители других стран с таким же „объективизмом“ доказывают обратное „общее мнение“, как его формулирует Прибрам, и сходятся на том, что лечение болезней следует скорее ожидать от естественного развития международных картельных и т. п. объединений, чем от воздействия государств и правительств. Но в таком случае слишком долго придется ждать излечения, ибо, по признанию самих авторов этого „рецепта“, эти интернациональные объединения имеют пока ничтожный вес и, кроме того, сами раздражаются внутренними противоречиями.

Тайну буржуазных планов откровеннее всего, впрочем, выболтал в своем меморандуме Г. Кассель, который формально остался в одиночестве, но, по существу, высказал общее настроение. Основную причину европейских затруднений этот экономист видит в чрезмерном росте заработной платы и в восьмичасовом рабочем дне, а также „монополизированной“ рабочей силы профсоюзными организациями. Подтверждение своей „теории“ Кассель видит в том, что цены на готовую продукцию выросли в большей степени, чем цены на сырье, что является доказательством более быстрого роста расходов на труд. О влиянии недогрузки производственного аппарата, высоких прибылей и процентов, а также повышенной эксплуатации труда в отраслях добывания сырья, где большую роль играют колониальные страны, Кассель предпочитает умолчать.

В реферате излагаются также социалистические „проекты“, предложенные английской рабочей партией, социалистической частью конференции и представителями христианских рабочих союзов. Они представляют собою обычную реформистскую болтовню тщательно избегающую революционной постановки вопросов. О проектах советской делегации и вообще Советского Союза Прибрам почему-то не упоминает вовсе в своем реферате.

Значительный интерес представляют собою статьи по теории и политике внешне-валютных курсов (этой теме вообще повезло в рецензируемой книге: ей посвящены три следующие друг за другом статьи, из которых две чисто теоретического характера). Статья К. Korauy „Платежный баланс, покупательная сила и вексельный курс“, в основном посвящена критике двух основных направлений в теории вексельных курсов: теории платежного баланса и теории покупательной силы. Против обеих теорий он выдвигает убедительные, иногда довольно меткие и оригинальные аргументы — особенно против первой. Отвергая теорию платежного баланса, которую он справедливо связывает с номиналистическим направлением, Korauy отвергает, может быть, даже с чрезмерной категоричностью политику регулирования курсов, построенную на этой теории: регулирование девизного рынка и пр. Если первую теорию Korauy отвергает, главным образом, на основании логической критики, то против второй он аргументирует преимущественно со стороны фактов, указывая на несоответствие между движением курсов и движением цен. Очень большие сомнения вызывает, однако, попытка автора создать новую теорию вексельных курсов, которая является реставрацией теории покупательной силы в модифицированном виде. Согласно модному в буржуазной литературе приему, она построена на принципе субъективных оценок и методе предельной полезности. Существует, по мнению К. Korauy, не одно, а три понятия покупательной силы: внутренняя покупательная сила (Inlands Kaufkraft), покупательная сила в отношении предметов ввоза (Einfuhr Kaufkraft) и покупательная сила в отношении предметов вывоза (Ausfuhr Kaufkraft). С другой стороны, автор, вслед за Парето, понимает

покупательную силу денег не как отношение денег к товару, а как абстрактную предельную полезность, которая оказывается неодинаковой для различных лиц или стран даже при одинаковом уровне цен, ибо субъективные оценки этой покупательной силы зависят от имущественного положения, распределения доходов и пр. Интенсивность спроса и предложения на валютном рынке в основном определяется степенью или „интенсивностью расхождения“ (Spannungsintensität) между „внутренней“ и „внешней“ ценой данного товара. Но для разных товаров это расхождение различно. Вексельный курс определяется интенсивностью расхождения цен на предельный товар, т.е. на тот товар, цены которого на внутреннем и внешнем рынке представляют на и меньшее расхождение. Все те, кто ведет операции с другими товарами, приобретая валюту по курсу, определяемому отдельным товаром, получают соответственную „Spannungsrente“. В обороте между странами, где господствует золотое обращение, таким „предельным“ или „ведущим“ товаром (leitende Ware) является золото. Там, где золото отсутствует, его место может занять серебро или любой другой товар и группа товаров, на которую устанавливается более или менее прочное отношение внутренних и внешних цен (в бумажной валюте).

Поскольку речь идет о золоте, теория К. Korauy представляет собою только выраженную в новой фразеологии теорию „золотых точек“, которые можно считать предельными границами колебания курсов. Ничего нового по существу здесь нет и метод субъективных оценок здесь просто является излишним и притом отнюдь не украшающим привеском. Что касается другого вывода автора, будто вексельный курс между странами, где господствует исключительно бумажно-денежное обращение, определяется соотношением внутренних и внешних цен на определенную группу товаров, то это есть не что иное, как возвращение к той же теории паритетов и покупательной силы, которую автор весьма красноречиво опровергает в критической части статьи. Из того, что в двух странах господствует бумажная валюта, вовсе не следует, что золото исчезло из мирового оборота. А до тех пор пока золото сохраняет свое значение мировой валюты, бумажное обращение (и вексельный курс) будет опираться на золото, а не на другой товар, благодаря закону всеобщей взаимозависимости всех стран, участвующих в мировом хозяйстве. Попытки строить теорию вексельных курсов на основе паритетов покупательной силы ничем не отличаются от бумажно-денежных теорий, которые пытаются подвести под бумажную валюту „товарное“ основание. Это видоизмененная форма того же номинализма в ухудшенном издании.

Более правильно мнение, высказываемое в статье А. Mahr'a, посвященной той же проблеме. Взаимоотношение между вексельными курсами и уровнем цен, поскольку оно вообще существует, характеризуется обратной зависимостью. Не курсы следуют за ценами, а наоборот, изменение внешне-валютных курсов влечет за собою изменение цен на товары, являющиеся предметом интернационального оборота.

В этой второй статье мы находим вообще много интересных сообщений, касающихся взаимозависимостей национальных и мировых цен, связи между частнохозяйственными балансами и народнохозяйственным балансом и воздействия на последний со стороны денежного обращения. Следуя за Визером, автор полагает, что состояние народнохозяйственного баланса в общем и целом соответствует состоянию частных балансов. Для нормальных периодов оно характеризуется равновесием пассивов и активов. В период инфляции народнохозяйственный баланс становится пассивным потому, что и частные балансы изменяются в том же направ-

влении: увеличение покупательных средств при стабильности внутреннего производства и товарооборота ведет к повышению покупок за границей, а последние влияют на платежный баланс и на вексельный курс. Обратное происходит в период дефляции. Связь между состоянием частнохозяйственных и народнохозяйственных балансов не подлежит сомнению. Однако, выводы автора о воздействии инфляции и дефляции нельзя принять целиком. Наоборот, послевоенный опыт чаще всего давал обратную картину: периоды инфляций сопровождалась увеличением активности торгового и платежного баланса (экспортные премии, валютный дэмпинг и пр.). Зависимости здесь гораздо более сложные, и правильнее было бы рассматривать различные фазы инфляции и дефляции, которые могут характеризоваться разными, подчас прямо противоположными симптомами в области внешнеторгового оборота. Что касается склонности автора выводить состояние вексельных курсов из платежного баланса, то критику этих взглядов читатель найдет в статье К. Koraui, которую мы разобрали выше.

Остальной материал в рецензируемой книге „Архива“ представляет собою исследования чисто конкретного характера, с обычной для этого серьезного издания добросовестностью в смысле подбора фактов, обстоятельности и пр. Некоторые статьи, как, например, о Панамском канале, о кредите в СССР и др. являются окончанием работ, печатавшихся в прежних книжках журнала. Наибольший интерес представляет попытка установить связь между грузооборотом в Панамском канале (в предыдущей книге исследовался также грузооборот Суэцкого канала) и послевоенной конъюнктурой мирового хозяйства. Статья о СССР написана в тоне объективного исторического очерка. Автор заканчивает признанием, что „достигнутая до настоящего времени консолидация русского хозяйства удалась за счет внутренних сил“, но, повидимому, скептически относится к оптимистическим расчетам на будущее.

Статья об отчете генерального комиссара по репарациям представляет собою характерную полемику между должником и кредитором. Годы „моратория“, по плану Дауэса, кончились, и репарационная проблема снова вносится в порядок дня со всеми своими противоречиями.

„Архив мирового хозяйства“, конечно, далек от марксизма и социализма. Его основные тенденции лежат целиком в плоскости буржуазного мировоззрения и буржуазных интересов. Но это лучшее из того, что дает буржуазная журнальная литература по вопросам мировой экономики.

А. Светлов

М. Г. Галкович. Соед. Штаты и дальневосточная проблема. ГИЗ. 1928, стр. 208. Ц. 1 р. 90 к.

На примере борьбы Соединенных Штатов Америки за экономическое преобладание на Дальнем Востоке, борьбы, насчитывающей много десятилетий, можно выявить с особенной отчетливостью этапы развития империалистических тенденций в этой цитадели современного капитализма. Дальневосточная проблема и Соед. Штаты — при всей своей злободневности — являются темой слабо разработанной в нашей литературе и с этой точки зрения своевременность работы тов. Галковича не подлежит никакому сомнению. Рецензируемая книга обращает внимание читателя еще и потому, что в ней делается попытка марксистски проанализировать дальневосточную проблему и весь сложный узел дипломатических и политических взаимоотношений, возникший вокруг Дальнего Востока.

Борьба за преобладание на Дальнем Востоке, как известно, началась задолго до капиталистического — в современном понимании — оформления

Соед. Штатов. Уже из вступительной главы — исторического очерка, данного автором, видно, что Америка пришла на Дальний Восток гораздо позже других. Португалия, Испания, Голландия, Англия, — вот кто были первыми „открывателями“ Китая, сосредоточия дальневосточных интересов. Америка же плелась в хвосте и только после войны с Испанией в 1897—98 гг. и захвата Филиппинских островов она выдвигается на арене борьбы, как активный ее участник.

Нужно сказать, что этот этап развития Америки в современную империалистическую страну таит в себе много поучительного. Чрезвычайно характерна линия поведения Америки хотя бы в вопросе об отношении к Китаю. До известного периода американцы афишировали политику необычайного либерализма по отношению к Китаю, раздираемому хищническим англо-французским и прочим капиталом. Знаменитый принцип „открытых дверей“ (open door), т. е. одинаковых для всех стран экономических привилегий, затем декларация солидарности с китайскими властями, широковещательные заявления о готовности американцев подчиняться китайским законам („мы обязаны подчиняться вашим законам, раз мы находимся в ваших водах“, — читаем мы в одной из таких деклараций) и другие шаги подобного порядка, — все это были временные тактические приемы, либо направленные против конкурентов (главным образом, против Англии), либо преследующие какие-нибудь непосредственные выгоды.

С середины XIX века на капиталистическую арену выступает новый объект притязаний на Дальнем Востоке — Япония. Америка, „открывшая“ эту страну, разумеется, становится в авангарде эксплуатации Японии, но это продолжается недолго. Япония быстро выходит из сферы полукOLONиального состояния и не только занимает совершенно самостоятельное экономическое и политическое положение, но и с достаточной стремительностью приобщается к общей и империалистической политике на Дальнем Востоке, в частности, в Китае.

Особого внимания заслуживает глава „Доктрина „открытых дверей““. Снабдив эту часть книги большим фактическим материалом, автор дал достаточно отчетливую картину эволюции этой доктрины даже в ее формальном понимании (фактический смысл этой доктрины был достаточно ясен — она означала легализацию грабежа на общих основаниях). Здесь уместно отметить чрезвычайно интересный документ, раскрывающий сущность доктрины „открытых дверей“ в толковании европейского, равно и американского империализма. Мы имеем в виду статью вторую германо-китайского договора, оформившего захват Германией бухты Цзяо-Чжоу, в ответ на убийство в Китае двух немецких миссионеров (1897 г.). Вот содержание этого пункта:

„Желая исполнить справедливое желание его величества императора германского, чтобы Германия, подобно другим державам, имела на китайском побережье место для починки и снаряжения судов... его величество император китайский уступает Германии обе стороны входа в бухту Цзяо-Чжоу в арендное пользование на 99 лет“ (45).

Этот договор был подписан обеими сторонами 6 марта 1898 г., а 15 марта 1898 г. в таких же выражениях и на основе такого же „добровольного соглашения“ был подписан русско-китайский договор, по которому Китай „сдавал в аренду“ Порт-Артур.

Подписание этих договоров совпало с периодом ожесточенной борьбы за концессии в Китае. Последний был поделен на „сферы влияния“, при чем в этом дележе приняли участие все крупные европейские державы. Америка, однако, занимает позицию „защиты“ интересов Китая. Соединенные Штаты настойчиво выдвигают принципы целостности Китая

и „открытых дверей“, имея в виду отнюдь не интересы Китая, а исключительно интересы финансовых групп Америки, поставивших себе за цель, пользуясь противоречиями между участниками дележа, зажать страну в тиски экономической эксплуатации. Об этом говорит вся последующая политика Америки на Дальнем Востоке. Это подтверждает хотя бы попытка нейтрализации маньчжурских дорог, которая по инициативе Америки должна была лишить значительной доли влияния в Китае ближайших соседей последней — Японии и России. В этой попытке высший принцип „открытых дверей“ был чрезвычайно призрачным прикрытием для кровных интересов американской железодельной промышленности и, вообще, для ее торговли.

Исход русско-японской войны создает новое обострение отношений между Америкой и Японией. Взятие японцами Порт-Артура, поражение России и усиление Японии (последняя пошла по пути стремительного народнохозяйственного развития, вооружения, главным образом, на море и захвата близлежащих китайских территорий) послужили причиной обострения японо-американских отношений и пересмотра Америкой своей дальневосточной политики, вообще.

Изменили ли мировая война и послевоенный период общую установку Соед. Штатов на Дальнем Востоке? По существу, разумеется, нет; по форме же — значительно. Во-первых, окончательно похоронен принцип „открытых дверей“. Америка с момента подписания Версальского мирного договора (да и раньше, собственно говоря) резко изменила свою линию поведения в отношении Китая. Она вступила в ожесточенную борьбу с Англией и Японией (фактически единственные конкуренты) за сферу влияния на Дальнем Востоке и совершенно открыто декларирует свои империалистические намерения в Китае.

Не отступали от Америки и другие страны. Япония, непомерно выросшая в годы войны, в 1915 г. стремительно „наступает на глотку“ Китая, предъявляет ему 21 наглых требования, выполнение которых означает лишение Китая остатков его самостоятельности и при полном попустительстве Америки (Англия, Франция и Россия были заняты войной) 15 мая добивается подписания соответствующих договоров.

Должно заметить, что на ряду с Америкой автором с большой детальностью освещена роль самой Японии в этом дальневосточном узле, при чем этапы экономического развития Японии на фоне соперничества и борьбы за преобладание на Дальнем Востоке автором развернуты с исчерпывающей отчетливостью.

В одной из последних глав тов. Галкович останавливается на проблеме японо-американской войны. Центром внимания, в случае войны, будет служить не один Китай; сюда следует присоединить и Сибирь. Японская установка со всей откровенностью сформулирована идеологом японских милитаристов Каиро Сато. „В Америке, — говорит он, — остается еще достаточно пространства для дальнейшего ее экономического развития. Так почему же Америка стала бы препятствовать экономическому расширению Японии в Китае и Сибири“. И дальше: „Мы должны обеспечить себе мир с Китаем и Сибирью для того, чтобы содействовать развитию промышленности на азиатском материке, для снабжения Японии необходимым на случай столкновения с Америкой... Сообразно с этим японо-американская война будет разворачиваться на плацдарме Тихого океана. Другими словами, мы будем вести войну и одновременно с этим зарабатывать деньги, так что, как долго не продолжалась бы война, у нас не иссякнут силы вести ее“. Что может быть чистосердечнее такой программы, предусматривающей „победоносную“ захватническую политику и в направлении СССР, и в направлении Китая, и на Тихом океане.

Разумеется, временные компромиссные решения и соглашения, сглаживающие те или иные острые углы нарастающих противоречий, быть может, отодвинут японо-американское столкновение, но его неизбежность не подлежит никакому сомнению. В этом отношении безусловно спорна гипотеза автора, предполагающая, что усиленное капиталовложение Америки в народное хозяйство Японии, принявшее особенно значительные размеры после японского землетрясения 1923 г., имеет в виду „исключить всякую возможность военного столкновения“ и вместе с тем превратить Японию в „своего сторонника и посредника на Дальнем Востоке“ (208).

Тов. Пашуканис — автор предисловия к рецензируемой книге — совершенно прав, отмечая работу тов. Галковича, как, несомненно, полезную и способную ознакомить советского читателя с огромной областью мировой политики, где, по выражению одного американца, посеяны семена будущей великой войны.

Книжка, однако, не лишена некоторых пробелов. Большим таким пробелом следует признать отсутствие надлежащего освещения социально-политической и экономической структуры современного Китая. Между тем, это очень важно, так как внутрикитайские группировки всегда находили (об этом свидетельствует работа тов. Галковича) и, несомненно, найдут свое отражение в дальневосточной политике Америки. Недостаточно охарактеризованы также англо-американские отношения, в связи с тихоокеанской проблемой в ее современном виде (довоенные англо-американские отношения в Тихом океане, по нашему мнению, освещены достаточно подробно). Наконец, нельзя не отметить то, что роль СССР, как единственной преграды этой грабительской вакханалии на Дальнем Востоке, оказалась сильно ступешаванной. В этом смысле Союзу ССР, конечно, надлежало отвести самостоятельную главку.

Но все это несколько не уменьшает интереса читателя к рецензируемой книге, с которой мы усиленно рекомендуем ознакомиться.

И. Браславский

The Road to Prosperity by sir George Paish. With a foreward by sir Iosiah Stamp. London, Ernest Benn L-ted 1927, pp. 154.

Георг Пэш. Путь к благоденствию, с предисловием Я. Стамп. Лондон, 1927 г., стр. 154.

„Война привела в расстройство хозяйственную жизнь всего мира, а послевоенная политика еще более увеличила дезорганизацию мирового хозяйства“ (стр. 1). „Производительные силы многих наций упали, а вместе с тем сократилась и их покупательная способность, производительность других стран увеличилась, но эти страны не хотят покупать те товары, которые им предлагают в обмен. Нормальный международный обмен нарушен“ (стр. 3). „Необходимо, не теряя времени, принять меры, которые решительным образом предотвратили бы кризис, в полосу которого вступили все без исключения нации“ (стр. 5). „В обычных прежних кризисах одолженные капиталы увеличивали производительные силы и создавали рост покупательной способности, теперь, к несчастью, случилось обратное — занятые капиталы были употреблены на военные цели, а война как-раз подорвала производительность и понизила покупательную способность наций“ (стр. 10). „Мировая война, разыгравшаяся в обстановке широко развитого международного обмена, болезненно отразилась на всем мировом хозяйстве. Условия, вредящие какой-либо одной стране отражаются на всех других. Потрясения европейских стран во время мировой войны и создавшаяся колоссальная их задолженность по-

чувствовались всем миром от одного конца до другого... Необходимы такие решительные меры борьбы с кризисом, которые в прошлом не вызывались необходимостью" (стр. 15). Не к чему далее продолжать цитаты. Читатель видит, что автор книги отдает себе отчет в тех экономических затруднениях, в которых повергала мир империалистическая война. Мало того, он резко критикует ту „малодушную“ политику, которую проводит буржуазный мир в поисках выхода из кризиса. Протекционизм, таможенные рогадки, которыми окружили себя отдельные страны, ни в какой мере не ведут к выходу из кризиса, а наоборот, все более и более углубляют его и заводят в дальнейший тупик. На примере отдельных стран Пэш доказывает всю важность восстановления свободного международного обмена. В настоящее время в Англии более миллиона безработных, рост населения с каждым годом делает проблему безработицы все более острой. Настойчиво проводимая другими странами политика ограничения импорта создает еще большие затруднения для Англии как банкира, производителя и коммерсанта. Чем больше накладывается ограничений на свободный международный обмен, тем труднее отдельным странам выполнять свои финансовые обязательства в отношении Англии и тем меньшее количество английских товаров они захотят и будут в состоянии покупать. Это вызовет, в свою очередь, крайние затруднения для Англии в деле поддержания ее населения (стр. 32). Само английское правительство наложило высокие пошлины на импорт шелковых тканей из Франции, хотя такой импорт необходим для того, чтобы Франция имела возможность покупать кардиффский уголь. Прикладывая ту же мерку к другим странам, автор везде приходит к выводу, что современный протекционизм вредно отражается на мировом хозяйстве и, в конце концов, на каждой отдельной стране. „Интересы Франции требуют таких мер, которые поддерживали бы и повышали уровень мирового дохода и тем создавали бы для Франции возможность продавать производимые ею предметы роскоши и привлекать иностранных туристов“ (стр. 42). То же приложимо к Италии (стр. 46) и Бельгии (стр. 71). Для Венгрии, Югославии, Австрии и Чехо-Словакии необходимо повышение покупательной способности Германии. Их взаимная экономическая политика должна быть координирована и диктоваться широкими, а не узко понимаемыми национальными интересами, а эти широко понимаемые интересы толкают их к взаимному сотрудничеству и к восстановлению Вены как их общего кредитного центра (стр. 67). Польша заинтересована в росте покупательной способности Германии и России (стр. 75). Рост производительных сил Германии до войны и рост ее экспорта создавали для нее возможность производить крупный импорт из других стран. Это увеличивало покупательную способность последних как в отношении германских товаров, так и товаров других стран. По плану Дауэса Германия вынуждена продавать огромное количество своих товаров, чтобы иметь возможность платить репарационные платежи. Чтобы это было осуществимо, страны, экономически связанные с Германией, должны быть способны покупать германские товары, только это может явиться залогом восстановления народного хозяйства Германии и других стран. Между тем, в настоящее время германская торговля встречается лицом к лицу с обедневшей Европой.

Единственная страна, которая процветает, это Америка, но и Америку подстерегает опасность в зависимости от падения покупательной способности Европы. Но несмотря на это, Америка эту покупательную способность не развивает, а напротив, подрывает, ставя препятствия европейскому импорту (стр. 23). Восстановление кредитоспособности Европы так же необходимо Америке, как и всему миру.

Кроме уничтожения таможенных рогадок, искусственно разделяющих единое мировое хозяйство, необходимо отказаться от взаимного взыскания междусоюзных долгов. Франция, Италия, Россия и другие страны должны Англии огромные суммы. Но было бы собирание этих долгов благодетельно для самой Англии? Конечно, да, отвечает автор, но только в том случае, если бы платежи по займам не уменьшили бы способности стран-дебиторов покупать английские товары. А так как этого на самом деле нет, а напротив — платеж долгов Англии понижает покупательную способность стран импортирующих английские товары, то получение платежей по займам вредно для самой Англии. То же приложимо к Соед. Штатам. „Америке необходимо продавать на европейском рынке большое количество с.-х. и других товаров, потребность Европы в американских товарах еще более острая, без них Европа не может ни прокормить, ни дать работу своему населению. Закупкам Европы ставит пределы только ее платежеспособность. При этих обстоятельствах требование со стороны Америки уплаты долгов неминуемо вызовет либо рост экспорта европейских товаров или услуг в Америку, либо понижение европейского импорта из Америки, либо дальнейшее кредитование Америкой Европы, но последняя альтернатива была бы не разрешением, а лишь опасной отсрочкой проблемы“ (стр. 93). Автор приходит и здесь к выводу, что дальновидность требует от Америки простить военные долги Европы. Аннулирование военных долгов является второй необходимой предпосылкой для восстановления экономического равновесия мира. Тот же ход рассуждений приводит автора к необходимости отказаться от германских репараций с целью повышения покупательной силы Германии.

Как видит читатель, Пэш примыкает к тому течению политико-экономической мысли, которое ясно сознает, что мировое хозяйство приходит к катастрофе и которое ищет выхода в экономическом пацифизме и фритредерстве. Это течение отражает ту тенденцию капитализма, которая толкает его на путь интернационализации под давлением сил, переросших рамки мелких национальных хозяйств. Капитализм Англии и Америки ищет свободного неограниченного таможенными рогатками рынка сбыта. Но, с другой стороны, противоположная тенденция толкает к обратному — к национализации капитала, к разграничению сфер влияния, к монополизации за национальным капиталом внутреннего рынка каждой страны. Только в этой тепличной атмосфере может поддерживать свое существование подорванное войной хозяйство отдельных стран. Очевидно, что разрешение этого противоречия лежит уже за гранями современной хозяйственной системы и требует, в первую очередь, революционного разрушения самой капиталистической системы. Попытки, подобные призывам Пэша, к созданию путем соглашения через Лигу Наций условий для оздоровления мирового хозяйства обречены на неудачу, а предначертанный им путь к „благоденствию человечества“ — не реален. Тем не менее, его книга, подкупающая своей искренностью, представляет интерес и по собранным ею фактам и как знамение времени.

А. Бонч-Осмоловский

Новые книги

Ф. Э. Дзержинский. Основные вопросы хозяйственного строительства СССР. Сборник статей. ГИЗ, 1928, стр. 223, ц. 1 р. 10 коп.

Настоящий сборник является первым (из двух) выпуском произведений (статей и речей) тов. Дзержинского, посвященных основным вопросам хозяйственного строительства Союза: советской торговле, металлопромышленности, производительности труда и др. В качестве заключительной главы в сборнике приведена предсмертная речь тов. Дзержинского на пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) 20 июля 1926 г.

Во второй выпуск будут включены статьи и речи, посвященные железнодорожному и водному транспорту и промышленности СССР.

М. Савельев. Директивы ВКП (б) в области хозяйственной политики за 10 лет (1917—27 гг.), ГИЗ, 1928, стр. 456, ц. 3 р.

В приведенной книге собраны в систематизированном виде все решения и постановления парт'ездов, партконференций ВКП (б) и пленумов ЦК ВКП (б) по вопросам хозяйственной политики, начиная с VI съезда РСДРП большевиков (июль—август 1917 г.) и кончая XV парт'ездом. Книжка разбита на главы (общие вопросы экономич. политики, сельское хозяйство, промышленность, труд и зарплата, торговля, кооперация и т. д.) соответственно каждому хозяйственному разделу, при чем каждая глава снабжена небольшим введением составителя.

Проф. П. Г. Шатт. Экономические основы и перспективы развития плодородства СССР. Изд. „Новый Агроном“, М., 1928, стр. 224, ц. 2 р. 75 к.

Задача работы П. Г. Шатта, являющейся первым выпуском трудов Плодовой опытной станции Тимирязевской с.-х. академии, — выявление основных черт экономики плодородства СССР, темпа динамики развития этой отрасли как в довоенные годы, так и теперь, и установление на основе полученных выводов, ориентировочно, дальнейших путей развития плодородства СССР.

И. З. Каганов. Накладные расходы и оптово-розничные цены в мировой и советской торговле. „Книгоспілка“, Харьков, стр. 58, ц. 70 коп.

Названная брошюра представляет собой опыт построения параллельного анализа организации товаропроводящих путей на Западе, в капиталистических странах и в СССР.

Стюарт Чэз и Ф. Шлик. Как растрачиваются деньги потребителя. Пер. с американского, ГИЗ, 1928, стр. 194, ц. 1 р.

Работа обоих авторов — американских буржуазных экономистов — преследует цель осветить жизнь американских промышленных и торговых предприятий и показать, как в условиях капиталистической анархии производства, в обстановке обмана и соблазна торговцев и предпринимателей растрачиваются деньги потребителя. Вместе с тем, авторы дают характеристику отрицательных последствий капиталистической конкуренции, основанной на обмане, шарлатанстве, фальсифицирующей рекламе и т. д.

Мировое хозяйство. Сборник статистических материалов за 1913—1927 гг., изд. ЦСУ СССР, М., 1928, стр. 745, ц. 3 р.

Сборник, составленный под ред. С. Уманского, характеризует состояние мирового хозяйства на протяжении последних 15 лет как в целом, так и по отдельным странам и отраслям. На ряду с рассмотрением результатов динамических процессов, имевших место в мировом хозяйстве за эти годы, составители освещают сущность социально-экономических процессов, выявившихся в это пятнадцатилетие.

И. Хозеренко. Жилищный кризис и борьба с ним, ГИЗ, 1928, стр. 264, цена 2 руб.

Настоящая работа посвящена изложению экономических и внеэкономических обстоятельств, вызывающих обычно жилищный кризис. На ряду с этим автор останавливается на методах борьбы с ним и на оценке результатов многочисленных опытов в этой области.